

3.03.06.

Жизнь и необычайные приключения писателя Войновича

(рассказанные им самим)

Войнович Вафлин

Глава пятьдесят вторая

О странностях любви

Просто копнитель

Пока мы ковыряли вилами силос, созрела пшеница. Ее по новому методу, недозревшую, скосили и оставили на земле дозревать, потом комбайны должны были пройти по полю второй раз – подбирать скошенное с земли и молотить. Такой метод уборки придумали наши ученые, целая армия которых разрабатывала разные «ноу-хау» в попытке заставить колхозную систему давать нормальные урожаи. Забегая вперед, скажу, что, конечно, подобрать пшеницу вовремя не успели, дождалась сначала дождей, потом снега, из-под снега скошенное поднимали и молотили, и в районной газете было написано, что передовая наука допускает и такой способ уборки.

Нас перевезли в поле и поселили в большой дырявой палатке. Палатка была, если спать на кроватях, на двадцать человек, а поскольку мы спали вповалку на брошенных прямо на землю матрацах, помещалось нас вместе с колхозниками не меньше полусотни. Командовал нами Гурий Макарович Гальченко, человек лет пятидесяти с обветренным морщинистым и пропыленным лицом.

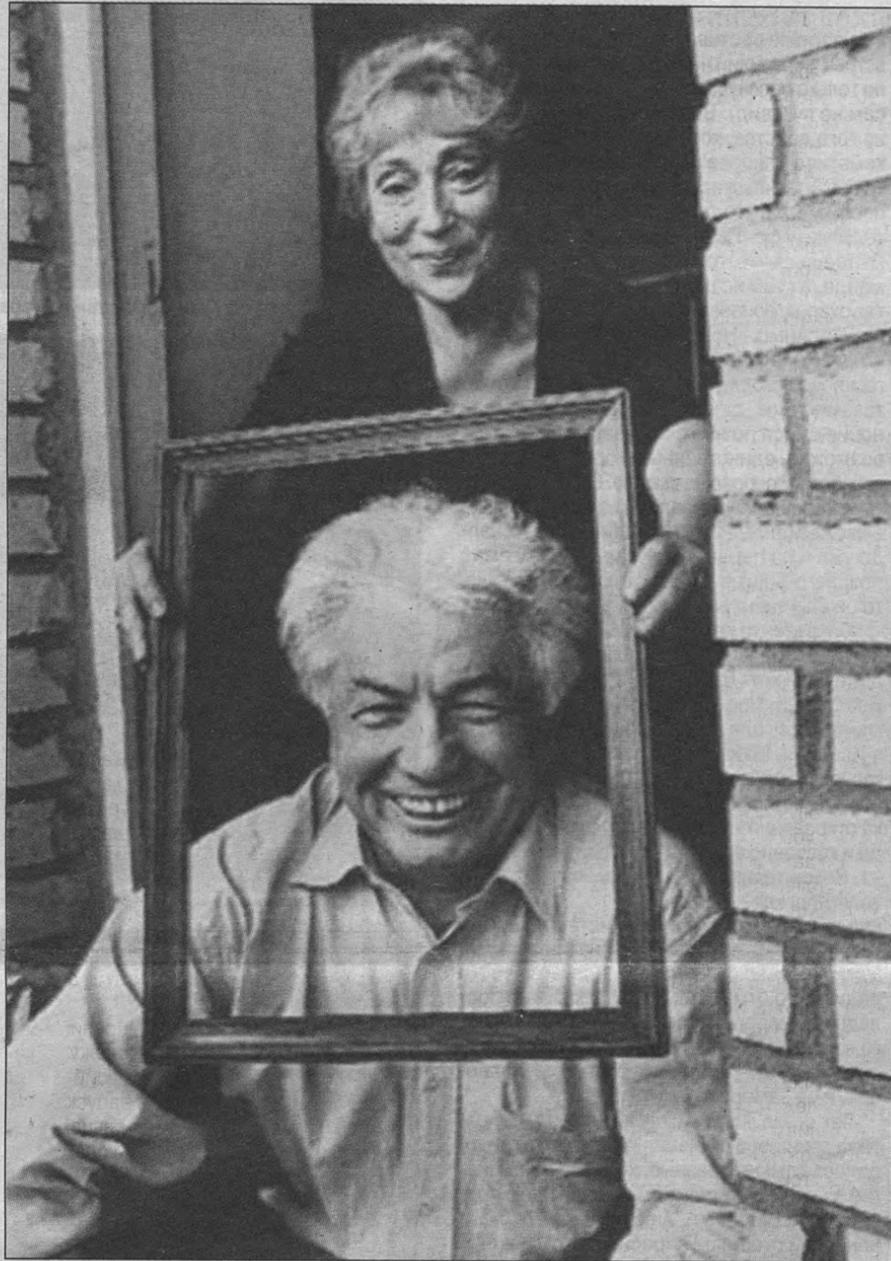
Утром бригадир выстроил студентов перед стоявшей в ряд техникой, объявил, что мы теперь будем копнильщиками, и провел инструктаж:

– Ну, шо тут вас инструктировать? Це трактор, це комбайн, це копнитель. Прошлый год у нас тоже были студенты, так некоторые путали. Ну, трактор и комбайн вам знать не надо, вы будете работать на копнителе. Правильно вин называется чи соломополовокопнитель, чи половосоломокопнитель, но мы его будем звать просто копнитель. Шо вам треба для работы? Дви руки – шоб держат вила, дви ноги – шоб нажимать на педали. Прыгать на ходу с копнителя не положено, но придется. Значить, прыгать так, шоб не попасты пид колесо. Вопросов нема? Пишлы расписываться за технику безопасности.

Просто копнитель – большой железный ящик на высоких железных колесах, последний в сцепке из трех агрегатов. Трактор тащит комбайн, комбайн тащит копнитель. Комбайн подбирает с земли скошенную пшеницу, молотит, солома сыплется в копнитель. Когда копнитель наполнится до краев, днище его и задняя стенка под тяжестью соломы должны открываться, а солома большой копной вываливаться на землю. Но копнители наши были советского производства, поэтому днище и стенка не открывались, копна не вываливалась, солома переполняла копнитель, забивала подававший ее транспортер, а потом и внутренности комбайна, в комбайне что-то ломалось, комбайнер матерился, тракторист жал на тормоз. Чтобы избежать этого, копнильщик прыгал внутрь ящика, увеличивая давление на днище, которое в результате чаще всего открывалось. Если оно открывалось, копнильщик вместе с копной вываливался на землю, торопливо выбирался из копны и, отряхиваясь от соломы, бежал догонять копнителя, чтобы успеть разровнять в нем солому, прыгнуть внутрь, опять вывалиться, догнать, разровнять солому, прыгнуть... И так целый день с недолгим перерывом на обед.

Клим Самгин, Павка Корчагин и Мыша

В поварахи определили Иру Брауде и Клару Фишкину, и их работа была тяжелее, чем у всех остальных. Остальные, если шел дождь, пережидали его в палатке, а поварахи трудились в любую погоду. Клара часто отказывалась от работы, и тогда Ира, избалованная московская девочка, огрубевшими руками делала все за двоих – и всегда с улыбкой. Только один раз я видел, как, зайдя за палатку, она плакала. Механизаторы оказались людьми в еде привередливыми.

ВИНТОР АХЛОМОВ

Моя влюбленность в Иру была абсолютно платонической, к тому, чтобы за ней ухаживать, как я считал, было слишком много препятствий. И потому ни на какие отношения, кроме дружеских, не рассчитывал. А как друзья мы общались много и тесно. Я читал ей только что написанные стихи и радовался, слыша в ответ ее обычное «ничего».

Однажды Ира сварила суп, который бригадир показался слишком жидким.

– Шо це таке? – бригадир смотрел на ложку с большим отвращением.

– Суп-пейзан, – гордо сказала Ира.

– А-а! – истерически закричал Гурий Макарович. – Пей сам, ишь сам, чисть сам!

И зашвырнул ложку в угол, еще раз убедившись, что эти городские ни на что путное не способны.

Когда дожди участились, колхозники разехались по домам, а мы остались мочнуть и мерзнуть в дырявой палатке, в самых подходящих условиях для совершения бессмысленного подвига, к которому призывали нас партия, правительство и комсомол. Свершители подвига не унывали. Большую часть времени лежали на матрацах, закутавшись по глаза, пели песни или вели литературные споры. Однажды спорили о проблеме положительного героя, может ли быть им сомневающийся в себе человек? Сравнивали Клим Самгина с Павкой Корчагиным.

Над спорщиками стоял тракторист Павло, смотрел себе под ноги и как будто прислушивался к разговору. Кивал головой, усмехался. Потом сказал:

– Да-а!

Спорщики оторопели, ожидая, что сейчас Павло проявит по данному вопросу неожиданную эрудицию.

– Да-а, – повторил он, тыча в пол пальцем, – мыша.

– Что?! – дружно воскликнули спорщики.

– Мыша, – еще раз сказал Павло и опять направил свой палец к ногам.

Оказалось, он имел в виду дохлую полевою мышь, лежавшую у него под ногами.

Когда механизаторов не было, я брал один из оставленных ими самосвалов (они все заводились без ключа) и катал по мокрому полю наших девушек. Но у меня были серьезные соперники – двое студентов из Ижевска. Они приезжали на блестящих ижевских мотоциклах, сажали одну из наших девушек на заднее сиденье, другую на топливный бак и увозили в Атбасар на танцы. Наши ребята ревновали и сочиняли на известные мотивы полухулиганские песенки. Про Таню Макарову по прозвищу Гаврила: «Пока мы ездили на силос, елки-палки, или лежали под копной, Гаврила с ижевцем сносилась, ексиль-моксиль, посредством почты полевой». Про Иру: «У Иры, ах, у Ирочки, вот случай был какой. Служила наша Ирочка в столовой поповской. Работница питания освоила вполне систему зажигания и смазку в шестерне...»

Огонь, мерцающий в сосуде

Красота красоте рознь. Заболоцкий писал: «...что есть красота / и почему ее обожествляют люди? / Сосуд она, в котором пусто-

та, / или огонь, мерцающий в сосуде?» Конечно, огонь, мерцающий в сосуде – главное, но если и сосуд соответствует этому мерцанию, тогда возникает красота, о которой и спорить нечего. Я чем дальше, тем больше влюблялся в Иру «безмолвно и безнадежно», томимый только робостью, но не ревностью, и чем дальше, тем больше она меня покоряла своей красотой внешней и внутренней, умом, тактом, вкусом, короче – всем...

Родители Иры оба были преподавателями литературы. Их первенец умер шести лет от роду, так что Ира была единственным ребенком. Они над ней тряслись, но за учеником ее не следили, да в том и нужды не было – Ира окончила школу с золотой медалью. Государственный антисемитизм еще был очевиден, дети из еврейских семей могли легко в этом убедиться при попытке поступить в любое элитное учебное заведение. Например, в МГУ, куда сунулась Ира. Как золотая медалистка она не должна была сдавать экзамены, и ее завалили по «пятому пункту» на собеседовании. Спросили что-то о какой-то симфонии Чайковского, и ей пришлось поступить в наш вуз, где таких вопросов не задавали.

Моя влюбленность в Иру была абсолютно платонической, к тому, чтобы за ней ухаживать, как я считал, было слишком много препятствий. Первое, разумеется, то, что я был женат. Второе – возраст. 15 октября мы отметили ее двадцатилетие, а мне за несколько дней до того исполнилось двадцать шесть. На ее фоне я себя ощущал стариком и нашу разницу в возрасте воспринимал как пропасть, через которую не перепрыгнуть. И потому ни на какие отношения, кроме дружеских, не рассчитывал. А как друзья мы общались много и тесно. Я читал ей только что написанные стихи и радовался, слыша в ответ ее обычное «ничего».

Еще в первые дни знакомства она спросила меня, знаю ли я Камила Икрамова и что думаю о нем.

– Хороший человек, – сказал я.
– Правда? – она пожала плечами. – Сомневаюсь.

И стала его ругать: поверхностный, хвастун, таланта никакого, а что-то зачем-то пишет.

Я сказал:
– Камил добрый.

Ира возразила:
– Он хочет казаться добрым.

– Если он хочет казаться, значит он что-то делает, чтобы его считали добрым. И это лучше, чем если бы он хотел казаться злым.

– Он работает на публику, – сказала она, и тут я с ней согласился – рассказал ей о том, как после напечатания одного моего стишка в «Правде» мы ехали в битком набитом автобусе. Камил вдруг повернулся ко мне и громко спросил: «Скажи, Володя, а когда в «Правде» выдают гонорар?» Конечно, вопрос был задан вовсе не с целью узнать дни выплаты гонорара в главной партийной газете, а чтобы обратить на себя внимание пассажиров. Я готов был провалиться сквозь землю.

– Но это, – сказал я Ире, – маленькая безобидная слабость.

– Ничего не маленькая и не безобидная. Это глупое безвкусное и даже пошлое хвастовство. Ты говоришь, он умный. Если бы был умный, то понял бы, что, хвастаясь, выглядит просто смешным...

Это был первый наш разговор о Камиле, но не единственный. Во все время пребывания на целине Ира несколько раз заводила о нем разговор. Всякий раз она его ругала, и всякий раз я искренне пытался ее переубедить. И достиг большего, чем ожидал.

Когда, вернувшись с целины, я встретился с Камилом, одним из первых его вопросов был:

– Что ты думаешь об Ирине Брауде?

Я рассказал, что о ней думал. Он был мой восторженной характеристикой очень впечатлен – и вскоре сделал ей предложение. То, что он был старше ее на одиннадцать лет, его не смутило. Ее, как выяснилось, тоже. А мне, как другу обоих, агитатору и в некотором роде свату, досталась роль быть у них в загсе свидетелем.

Продолжение следует

215